

Для цитирования: Зубанова Л.Б., Синецкий С.Б., Шуб М.Л. Экологическая культура жителей Челябинской области: диагностика и рефлексия // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2017. № 1. С. 239-246.

УДК 316.334.5

Л.Б. Зубанова, С.Б. Синецкий, М.Л. Шуб

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЖИТЕЛЕЙ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ДИАГНОСТИКА И РЕФЛЕКСИЯ

Аннотация. В статье анализируется проблема эффективности функционирования экологической культуры как части общей культуры населения, проявляющейся в различных формах взаимодействия человека с окружающей средой. В статье обобщены результаты массового опроса жителей (опрос 750 респондентов), экспериментальное и игровое моделирование типичных поведенческих сценариев (60 экспериментальных ситуаций), ежедневная практика потребления, отраженная в дневниках потребления; контент-анализ эколого-информационной политики печатных изданий и интернет-ресурсов, анализ официальных сайтов исполнительной власти. Полученные результаты позволили обобщить экологический аспект поведения населения, выраженный экологическими ценностями и типами эколого-ориентированного поведения. Авторы приходят к выводу, что эффективная экологическая политика (включая информационную) в области возможна при условии использования аналогичного стресс-сценария, благодаря которому можно нарушить сложившуюся традицию отрицательного воспроизведения общественного мнения по экологии.

Ключевые слова: экологическая культура, регион, эколого-ориентированные ценности и практики потребления, самонаблюдение, игровое моделирование, эколого-информационная политика СМИ, стресс-моделирование экологической повестки.

L.B. Zubanova, S.B. Sinetsky, M.L. Shub

ECOLOGICAL CULTURE OF CHELYABINSK REGION RESIDENTS: DIAGNOSTICS AND REFLECTION

Annotation. The article analyzes the problem of effective functioning of ecological culture as part of general culture of the population manifested in different forms of interaction between a man and environment. The article summarizes the results of the survey (750 respondents), experimental and game modeling of typical behavior scenarios (60 experimental situations), everyday practice of consuming reflected in the diaries of consuming; content analysis of ecological and information policy of printed press and internet resources, analysis of the official sites of the executive power. The obtained results allowed to summarize ecological aspect of behavior of the population expressed by ecological values and types of ecology-oriented behavior. The authors come to the conclusion that effective ecological policy (including information) in the region is possible under the condition of using analogical stress-scenario due to which it is possible to break the existing tradition of negative reproducing public opinion on ecology.

Keywords: ecological culture, region, ecology-oriented values and practice of consumption, self-observation, game simulation, ecological and information policy of mass media, stress-modeling of ecological agenda.

Экологическая проблематика в Челябинской области в последние годы особенно четко предстает в качестве негативного маркера восприятия территории, как в сознании самих жителей региона, так и за его пределами. Количество материалов, прямо

или косвенно относящихся к «экологическим», обеспечивает присутствие как самого слова «экология», так и ассоциативного ряда, вызываемого им, в актуальном коммуникативном пространстве челябинского социума. Увеличение количества сообщений и повышение интенсивности информационного процесса уже не обеспечивает существенных изменений в сложившейся экологической инфокартине. Особенность ситуации заключается в том, что челябинские СМИ в вопросах экологии не столько формируют общественное мнение, сколько отражают его, усиливая негативный дискурс тематической тональностью пугающих заголовков: «ГОК: Челябинск под угрозой!», «Зловонная река», «Экология мародерства», «Смерть от “прочих причин”», «Нас опять травят», «На краю экологической катастрофы», «Горим, братцы, горим!»...

Такой объективный фон бытования экологической повестки находится в тесном взаимодействии с субъективно-ценностной основой функционирования экологической культуры населения, осмыслению которой и посвящена данная статья. Обращаясь к диагностике и рефлексии объективно наличествующих и субъективно формируемых социокультурных факторов, авторы изначально придерживались следующих смысловых позиций при анализе проблемы:

- рассмотрение экологической культуры как части общей культуры, проявляющейся в различных формах взаимодействия человека с окружающей средой и рождающей особый тип социально-экологической рефлексии как «осмысления различными социальными группами способов и следствий взаимодействия общества и природы и возникающих в этой связи общественных отношений в культурной, социальной, политической и экономической сферах» [1; с. 68];
- оценка большинства существующих проблем как производных от культуры, ибо источником проблемной ситуации зачастую выступают конкретные субъекты, люди (будь то управленцы или население), – то есть, непосредственные носители культуры, принимающие основные решения под влиянием сложившейся и воспроизводимой системы ценностей и норм;
- убежденность в необходимости и возможности фиксации экологической культуры в конкретных и измеряемых социологических показателях: хотя экологическая культура (как, впрочем, и всякая иная) относится, прежде всего, к разряду духовно-ценностных образований, субъективность и неуловимость которых нередко затрудняет объективность числового выражения;
- уверенность в том, что осуществление социологической диагностики может не только способствовать оценкам существующей ситуации, но и влиять на результативность деятельности самых разнообразных институций и подразделений Южного Урала, напрямую или опосредованно связанных с экологической ситуацией в регионе.

Рассмотрение экологического фактора как критерия оценки развития регионов – вопрос, неоднократно фиксируемый социологами [2; 4; 5; 6], в том числе и непосредственно авторами данного материала [3]. В настоящей статье будут представлены результаты осуществлявшегося в период с октября 2015 г. по декабрь 2016 г. комплексного анализа экологической культуры жителей Челябинской области, последовательно и логически соединяющего два временных этапа замеров.

Первый этап исследования (2015 г.):

- массовый опрос жителей города (анкетирование 750 респондентов по единому инструментарию³⁸);
- экспериментально-игровое моделирование типичных поведенческих сценариев различных групп населения³⁹ (60 экспериментальных ситуаций);

³⁸В выборке были сбалансированы три признака: пол, возраст, район города.

³⁹Экспериментальные ситуации были разыграны на улицах города и предполагали имитацию следующих сюжетов: вандализм в отношении к природным объектам на глазах у жителей, призывы подписать петиции и вступить в эколого-ориентированные движения волонтеров, просьба разместить стикеры с экологической символикой на лобовых стеклах автомобилей, имитация уборки и озеленения территорий. При обработке результатов фиксировались типы реакций, воспроизводящих ценностные позиции в отношении экологической культуры, выражаемые через включенность/отказ/невнимание респондентов к экспериментально-имитационным ситуациям.

- фиксация повседневных практик потребления в дневниках самонаблюдения (диагностируемая группа респондентов – 30 человек);
- контент-анализ эколого-информационной политики печатных изданий и интернет-ресурсов Челябинской области (1016 материалов за год в изданиях «Вечерний Челябинск», «Челябинский рабочий», www.74.ru);
- мониторинг медийной активности органов исполнительной власти Челябинской области – анализ официальных сайтов (180 сообщений, ориентированных на экологическую тематику).

Второй этап исследования (2016 г.):

- диагностика эффективности экологического просвещения и воспитания учащейся молодежи на основе сравнительного анализа двух групп: *экспериментальной*: основа формирования – наличие интенсивно выраженного фактора воздействия экологического просвещения и воспитания (150 человек) и *контрольной группы*: находящейся вне зоны активного целенаправленного воздействия экологического просвещения и воспитания (150 человек)⁴⁰;
- анализ эколого-ориентированного контента социальных сетей (тематических групп/сообществ Челябинска и Челябинской области, зарегистрированных и функционирующих в социальных медиа «Одноклассники», «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter»⁴¹);
- фокус-групповые дискуссии с различными категориями населения Челябинска, ранжированными по возрастному, профессиональному, мировоззренческому признакам (5 фокус-групп, общее количество – 41 человек)⁴²;
- изучение позиций профессионально-экспертного сообщества по проблемам экологии (формализованное интервью с 20 экспертами).

Общие результаты диагностики функционирования экологической культуры по первому этапу исследования могут быть резюмированы в следующих выводах. В подавляющем большинстве заинтересованное отношение населения к экологической тематике имеет рациональную основу: состояние экологии прямо связывается с собственным здоровьем или жизнью, качеством жизни и здоровья будущих поколений (детей, внуков и т. д.). В то же время, состояние экологии в г. Челябинске большинством его жителей оценивается как негативное, более половины жителей считает, что экология Челябинска **хуже**, чем в большинстве регионов России. Очевидно, это мнение активно транслируется за пределы региона по самым разным каналам коммуникации (в первую очередь, межличностным). Также очевидно, что такая трансляция осуществляется продолжительное время (по крайней мере, можно говорить о постсоветских десятилетиях), не может регулироваться административно и, скорее всего, выступает основным фактором формирования имиджа региона как неблагоприятного для жизни. Последнее отрицательно сказывается на инвестиционной привлекательности региона и привлечении сюда квалифицированных кадров.

Основными виновниками экологических проблем города жители видят: промышленные предприятия, порождающие, с позиций опрошенной аудитории, фундаментальные проблемы, такие как загрязнение атмосферы, земель, воды. Об ответственности жителей (самих себя) говорит примерно 50% респондентов, что свидетельствует о существенном потенциале разного рода культуроформирующих (воспита-

⁴⁰ В качестве экспериментальной группы выступили студенты факультета экологии Челябинского государственного университета, учащиеся Центра детско-юношеского туризма и краеведения «Наследие»; учащиеся Областного центра дополнительного образования детей (секция «Экологическое воспитание»).

В качестве контрольной группы выступили респонденты трех возрастных категорий (14–16 лет – 17,7%; 17–18 лет – 36,3%, 19–22 года – 46%), не находящиеся в зоне специально организованного экологического просвещения и воспитания, но, тем не менее, включенные в систему образовательного воздействия (студенты вузов и школ г. Челябинска).

⁴¹ Интернет-площадки, объединенные единым признаком – местом проживания пользователей («Я живу в Челябинске», «Типичный Челябинск», «Челябинская область», «Наш Челябинск» и т. п.).

⁴² Состав участников включал однородные группы, подобранные по принципу равноуровневой включенности в экологическую проблематику: автомобилисты; садоводы; эко-волонтеры; участники протестных акций экологической направленности; работники промышленных предприятий.

тельных) мер для смягчения соответствующего аспекта экологической напряженности. Основные методы, которые, по мнению населения, должны использоваться для устранения (смягчения) экологических проблем относятся к группе «репрессивных»: административное и уголовное наказание, что вполне соотносится с современным запретительно-силовым трендом решения практически любых проблем, возникающих в стране в последние несколько лет.

Ответственность за состояние экологической ситуации и обязанность решения экологических проблем челябинцы, преимущественно, возлагают на органы государственной и муниципальной власти. В то же время (по сопоставлению «должного» и «реального»), фиксируется недовольство *реальными* действиями органов власти по решению экологических проблем.

Большим кредитом доверия располагают общественные экологические организации, которые, по мнению челябинцев, несут основную нагрузку по защите экологии города. Таким образом, к сегодняшнему дню сложились объективные условия объединения потенциалов государственных органов и общественных экологических организаций для выработки и принятия стратегических решений, направленных на улучшение эко-ситуации: от первых этого ждут, вторые же факто заняли место лидеров мнений.

Важным показателем, свидетельствующим об уровне развития экологической культуры, может выступать побудительная активность человека – как индивидуальные акты поведения, так и участие граждан в коллективных действиях, связанных с внедрением в жизнь ценностных установок экологической направленности. Лишь одна восьмая часть жителей города реально принимает участие в экологических акциях. Еще столько же выражают потенциальную готовность к такому участию. Однако можно предположить, что декларируемая готовность – скорее демонстрация «правил хорошего тона» (ибо кто мешал участвовать до момента проведения опроса?) и указание респондентами на «население» как на одного из «виновников» (пусть и не главного) эко-проблем и одного из «ответственных» за эко-состояние города обращено к условным «другим», нежели к конкретному «себе».

Субъективно оцениваемое экологическое поведение респондентов свидетельствует:

- о достаточно высокой самооценке в плане потребления ресурсов. В данном случае не очень важен мотив (меркантильный или идейный), важно, что 72% опрошенных респондентов стараются не расходовать ресурсов (электричество, вода, тепло) сверх потребностей. Можно предположить, что многолетняя просветительская работа в сочетании с ухудшающейся экономической ситуацией привели к нужному эффекту – экологосообразной модели потребления ресурсов;
- о низкой потребительской квалификации в отношении приобретаемых продуктов питания. Для самих исследователей показатель 30% – тех, кто старается приобретать экологически чистые продукты питания либо продукцию, соответствующую эконормам, оказался неожиданно низким (да и здесь не все ответы являются уверенными). Таким образом, потенциал образовательных программ и социальных акций (включая социальную рекламу), направленных на повышение потребительской квалификации челябинцев, весьма высок;
- о недостаточной практике активного досуга, способствующего поддержанию здоровья. Лишь в летний период, с появлением необходимости выезда на садовые участки, образ жизни челябинцев становится относительно активным. При этом в опросе не фиксировался сам характер «дачного досуга», нередко включающего в себя употребление спиртных напитков, канцерогенной пищи и т. п. В остальной же период времени систематический активный отдых характерен для относительно незначительного количества горожан.

Возможная реакция челябинцев на наблюдаемые эко-нарушения оказывается скорее пассивной, чем активной: не более 20% жителей готовы лично вмешиваться в ситуации, наносящие ущерб экологии города. В то же время здесь существует большой потенциал роста, которого можно добиться правильной агитационной кампанией. Этот потенциал определяется количеством недовольных, определяемым минимум в

70%. Однако к пассивным формам выражения мнения (стикеры на автомобилях, активность в соцсетях) легко привлекаются до 75–80% респондентов. Это серьезная основа для любого протестного движения, в основе которого лежат экологические причины. Без специального стимулирования ситуация вряд ли изменится, однако при наличии такого стимулирования негативная реакция на эко-нарушения у 20–25% челябинцев может быть переведена в активную форму.

Оказавшаяся довольно выраженной субъектность челябинского социума в сочетании с местной традицией восприятия экологической ситуации как «по умолчанию» негативной выступает фактором, предопределяющим доминирующую проблемную (негативную) окраску критической массы материалов СМИ на экологические темы. Это подтверждается: прямыми результатами опроса, демонстрирующими отсутствие специально выстроенной сюжетности – информационной политики – в отношении восприятия экоситуации и решения экопроблем; доминированием критических материалов по отношению к описанию экологической ситуации в целом и предлагаемым к реализации промышленным инфраструктурным проектам (Томинский ГОК); огромным количеством информации «ни о чем», то есть не привязанной к тем или иным группам интересов, но самим фактом присутствия в информационном пространстве катализирующей внимание к эко-проблематике в регионе.

Данная ситуация, вероятно, сложилась давно и приобрела устойчивый (традиционный) характер. Из этого следует, что сама информационная экологическая (в случае признания ее целесообразности) политика потребует слома указанной традиции, что вряд ли возможно в короткий срок. Сохранение же информационной ситуации в неизменном виде будет приводить к ее воспроизводству, с постепенным усилением негативистских тенденций (особенно учитывая альтернативный интернет-контекст). При отсутствии специального реагирования на данный процесс со стороны региональных элит ситуация с экологическим имиджем Челябинска во внешней среде будет ухудшаться, что будет негативно сказываться на инвестиционной и миграционной привлекательности региона.

Результаты опроса экспериментальной и контрольной группы учащейся молодежи показали достаточно отчетливое различие респондентов, включенных в комплексные программы эколого-просветительского и воспитательного воздействия (экспериментальная группа) и тех, кто в такие программы не включен (контрольная группа). Представители экспериментальной группы обладают существенно большим объемом знаний по экологической тематике. Известно, что само по себе знание не является побудителем к действию, однако наличие знания может служить, во-первых, катализатором действия; во-вторых, при наличии побудителя к действию, делать последнее более осмысленным и точным.

Представители экспериментальной группы демонстрируют более осмысленные деятельностные установки в отношении потенциальных экологоокрашенных ситуаций: готовы ограничить собственное потребление; контролируют поведение знакомых (друзей) на предмет возможных экологических нарушений; демонстрируют явно выраженное ценностное отношение к природе по сравнению с респондентами контрольной группы; становятся более наблюдательными, замечая проблемные ситуации существенно чаще остальных. Респонденты, не включенные в комплексные программы эколого-просветительского и воспитательного воздействия, находятся на стадии *осознания* проблем, но, как правило, не выходят к путям и практическим способам *личного участия в их разрешении*. В то время как желаемый тип поведения, соответствующий высокому уровню развития экологической культуры связан именно с готовностью субъектов устранять несоответствие между наличествующей проблемной экологической ситуацией и собственными интересами путем целенаправленных активных действий. Такая позиция респондентов подчеркивает необходимость активного влияния институтов экологической общественности (региональной Общественной палаты, сообществ и ассоциаций) как «инициативных локальных экоцентров».

Представители экспериментальной группы демонстрируют большее единство мнений по ключевым вопросам, связанным с экологией. Это четко свидетельствует о

влиянии образовательного сообщества (учебной группы, кружка и т. п.), к которому принадлежат респонденты, о сложившихся здесь нормах взаимопонимания («ясно без слов»). Последнее является классическим признаком наличия культуры (или ее основ), в данном случае экологической. Достаточно очевидно, что начальная (на уровне дополнительного образования – кружков, лабораторий, факультативных занятий и т. п.), первичная профессиональная (уровень младших курсов вуза) экологическая подготовка является важным компонентом и вполне действенным инструментом формирования экологической культуры населения (в первую очередь молодежи).

Обобщим некоторые наблюдения за интернет-поведением и типами реакций пользователей челябинских групп и виртуальных сообществ в социальных медиа при обращении к эколого-ориентированному контенту:

- социальные медиа могут рассматриваться как эффективный инструмент формирования общественного мнения по отношению к экологической ситуации в области. Они воспринимаются аудиторией именно как неформальный отклик жителей, как информация, поданная «от первого лица», а не в качестве навязанного и внедряемого идеологического конструкта. Тем не менее, данный потенциал, на наш взгляд, не в полной мере регулируется и целенаправленно модерируется в отношении создания благоприятного имиджа региона в контексте экологической ситуации: проанализированный контент не только незначительно представлен в количественном отношении, но и может быть отнесен в лучшем случае к нейтральному, в худшем – к невыраженному формату (пейзажные фото, официальные хроники);

- несмотря на виртуальную основу взаимодействий, социальные медиа обладают достаточным ресурсом сетевой кооперации – организации и мобилизации членов сообщества (достаточно вспомнить известный феномен «twitter-революции» в ходе парламентских выборов в разных странах). Несмотря на существование «зазора» между виртуальным (онлайн) и реальным (оффлайн) поведением пользователей, даже отсутствие непосредственной поведенческой активности в социальной жизни (за пределами интернет-пространства) обеспечивает формирование *реального ценностно-мировоззренческого настроения* аудитории по ряду вопросов. Кроме того, «реальность виртуального» может, в том числе, находить отражение в различных формах активного интернет-участия: подписание онлайн-петиций, благотворительные практики жертвования на природоохранную деятельность и т. п. Тем не менее, в анализируемый период в открытых челябинских сообществах социальных медиа не наблюдалась информационно-побудительная направленность материалов (основной посыл – призывы к личному участию аудитории в решении экологических проблем, агитация за активное участие в мероприятиях экологической направленности). Как исключение могут рассматриваться лишь призывы к проведению протестных акций в отношении строительства Томинского ГОКа.

Таким образом, использование социальных медиа возможно в четырех ключевых функциях-значениях: как средство коммуникации (межличностное общение); как средство информации (генерирование контента); как средство презентации (позиционирование нужного имиджа); как средство мобилизации (сплочение аудитории, побуждение к действиям). Осуществленный анализ продемонстрировал, что роль трех последних компонентов либо недостаточно выражена, либо явно недооценена при обращении к эколого-ориентированному контенту.

Ответы участников фокус-групп демонстрируют наличие стадии латентной социальной напряженности, которая, несмотря на единодушное признание остроты и значимости экологических проблем, не имеет достаточных побудителей для перевода внутреннего потенциального недовольства в активный протест (исключение составляли лишь участники фокус-групповой дискуссии, подобранные по принципу участия в протестных акциях и движениях).

Для всех исследуемых аудиторий были характерны: негативная идентификация с собственной территорией («помойка», «выбросы», «сплошной мусор»), отсутствие перспективных связей с местом проживания (за исключением садоводов пенсионного возраста), а также явно выраженная надежда на то, что их дети будут жить за преде-

лами Челябинска; отсутствие веры в возможности результативного участия субъектов преобразования ситуации: так, лишь в группе оппозиционно настроенных участников протестных движений назывались персоны, с которыми связываются надежды на преобразование ситуации, во всех остальных случаях позитивная субъектность либо растворена («общественные движения», «партия зеленых»), либо отсутствует вовсе. В то время как негативная субъектность («виновные в экологическом кризисе») прочно связывается с действующим руководством региона, руководителями промышленных предприятий.

Вполне отчетливо при анализе высказываний участников фокус-групповых дискуссий фиксируется обратная зависимость восприятия экологической информации из государственно-ориентированных СМИ (то есть условное «белое» следует воспринимать как «черное»).

Экспертный опрос был призван обеспечить представление об экологической ситуации и перспективах ее изменения у людей системно включенных в различные процессы влияния на данную ситуацию. В первую очередь учитывалась активность человека: участие в круглых столах и иных дискуссионных мероприятиях экологической проблематики (экофорумы, рабочие встречи, общественные советы и т. п.). Вторым фактором отбора являлась личная просветительская деятельность: участие в общественных организациях экологического профиля, руководство экологическими кружками и научными обществами, преподавание профильных дисциплин в образовательных учреждениях. Третьим фактором являлся стаж присутствия в экологическом сообществе. В качестве минимума присутствия был определен пятилетний срок. Таким образом, предварительно было отобрано 40 кандидатов для участия в опросе, из которых предстояло отобрать 20 человек. В процессе работы с экспертами, несмотря на письмо поддержки Министерства экологии Челябинской области, исследовательская группа столкнулась со значительным количеством активных или пассивных отказов отвечать на вопросы. Значительная часть потенциальных экспертов уклонилась от сотрудничества, ссылаясь на нехватку времени, отсутствие в городе и подобные причины. В отдельных случаях было высказано нежелание подписывать опросный лист (что также делало невозможным участие человека в экспертном опросе). Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что значительная часть потенциальных экспертов экологического профиля в Челябинской области не готова к персонализированному формализованному представлению своей позиции по актуальным проблемам экологической тематики, не рассматривают себя в качестве субъектов влияния на экологическую ситуацию в области, делают основной упор в своей деятельности на устные коммуникации и локальные образовательные проекты, либо реализуют свои возможности в рутинной профессиональной деятельности.

В то же время, по основным позициям, характеризующим экологические процессы и экологическую ситуацию Челябинской области, наблюдается вполне устойчивое сходство мнений, что позволяет говорить о репрезентативности полученных результатов. Эксперты в целом оценивают экологическую ситуацию, сложившуюся в Челябинской области как сложную, отчасти более сложную, чем в аналогичных регионах России. Лидирующими проблемными позициями выступают выбросы промышленных предприятий, загрязнение территорий разного рода отходами и несанкционированными свалками, слабая мотивация к соблюдению экологического законодательства, попустительство властей его нарушителям. Эксперты считают, что экологическая ситуация в целом зависит от качества экологической культуры (норм и ценностей) населения региона (в которое включены не только рядовые жители, но также руководители органов власти и руководители предприятий как часть населения). Однако они считают, что экологическая культура к настоящему времени не сформирована (находится на начальной стадии формирования).

Весьма низко в экспертном сообществе оценивается работа средств массовой информации (журналистов) по освещению экологической ситуации в регионе. Основные претензии – низкая компетентность и ангажированность журналистов, необъективность информации, негативистский уклон и слабое позиционирование информации

в отношении различных целевых групп. Важнейшими условиями улучшения экологической обстановки в Челябинской области эксперты считают экологическое просвещение населения, усиление административно-принудительных мер в деле обеспечения соблюдения экологических норм, развитие экологического образования (в первую очередь дополнительного).

Таким образом, обобщая полученные результаты, мы можем говорить о том, что эффективная экологическая политика (в том числе и информационная) в регионе возможна при условии использования стресс-сценария, благодаря которому можно переломить сложившуюся традицию негативного воспроизводства общественного мнения в отношении экологии, а также реальную эколого-поведенческую практику значительной части жителей. Таким стресс-сценарием могла бы быть, например, подготовка к саммитам ШОС и БРИКС, проведение которых требует более высоких экологических стандартов по сравнению с существующими. Стресс-сценирование (стресс-проектирование) является наиболее перспективным направлением разработки и осуществления экологической политики региона. Перспективной для новых исследований может стать тема будущего, определяемого в качестве желаемого для себя, своих детей и внуков челябинцами в контексте экологического состояния города.

Список использованных источников и литературы

1. Аксенова О.В. Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 68–76.
2. Енгоян О.З. Экологические проблемы региона: риски, опасности, интересы местного населения // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 65–72.
3. Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л., Синецкий С.Б., Шуб М.Л. Экологическая культура: эффективность формирования и сценарии воспроизведения в «стресс-регионах». Социс. 2017. № 7. С. 132–140.
4. Килиенене А., Мачеринскене В., Навицкас В., Симанавичене Ж. Социально-экологическое развитие регионов ЕС // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 48–56.
5. Титаренко Л.Г. Экологический аспект образа жизни: основные ценности и типы поведения // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 106–112.
6. Титаренко Л.Г. Экологический образ жизни минчан // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 32–37.

References

1. Aksenova O.V. (2004) Genezis social'no-jekologicheskoj refleksii na Zapade vo vtoroj polovine XX veka // Sociologicheskie issledovanija. № 9, pp. 68–76.
2. Engojan O.Z. (2009). Jekologicheskie problemy regiona: riski, opasnosti, interesy mestnogo naselenija // Sociologicheskie issledovanija. № 11, pp. 65–72.
3. Zubanov L.B., Zyhovskaja N.L., Sineckij S.B., Shub M.L. (2017). Jekologicheskajakul'tura: jeffektivnost' formirovanijaiscenariivosproizvedenijav «stress-regionah». Socis. № 7, pp. 132–140.
4. Kilienene A., Macherinskene V., Navickas V., Simanavichene Zh. (2006). Social'no-jekologicheskoe razvitie regionov ES // Sociologicheskie issledovanija. № 8, pp. 48–56.
5. Titarenko L.G. (2015). Jekologicheskij aspekt obraza zhizni: osnovnye cennosti i tipy povedenija // Sociologicheskie issledovanija. № 2, pp. 106–112.
6. Titarenko L.G. (2011) Jekologicheskij obraz zhizni minchan // Sociologicheskie issledovanija. № 3, pp. 32–37.